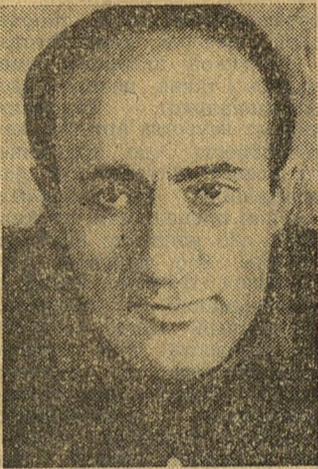

Грант Матевосян:

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

«Мой Цмакут — частица большого мира»

Первая книга прозаика Гранта Матевосяна «Мы и наши горы» вышла в 1962 году. Критика и читатели сразу же отметили, что ему есть, что сказать людям, и он умеет рассказывать. Неспешно, с продолжительными паузами появлялись следующие книги писателя. Они переводились на многие языки народов СССР, издавались за рубежом. Не будет преувеличением сказать, что яркая, самобытная проза Гранта Матевосяна — это целый мир, живой, подвижный, предельно материальный, мир, увиденный глазами нашего современника и населенный людьми нашего времени.

Но кто же он — герой Г. Матевосяна? С этого вопроса и начинается наша беседа.

— Он тот, кого мы называем простым человеком, кто в старину не попадал в исторические хроники и летописи — ведь в них запечатлевались жизнь и дела только знатных и великих. О простых смертных упоминалось лишь, когда называлось число погибших на поле брани. Я же хотел быть летописцем наших дней и писать судьбы тех, кто в общих сводках числится лишь как человеческая единица, но являет собой личность. Потому что, по моему убеждению, каждый, если взглянуть в его жизнь и переживания, даст писателю богатейший материал для размышления о нашем времени, — говорит Грант Игнатьевич Матевосян.

Чтобы встретиться с героями Матевосяна, нужно подняться в горное село Цмакут. А для этого надо сойти на станцию, которая примостилась в узком ущелье: скалы отступили ровно настолько, чтобы пропустить железнодорожную колею, сама же станция на сваях повисла над рекой.

Жизнь людей здесь нелегка, и надо положить много сил, чтобы создать дом, семейный очаг. Мы видим, как непросто все достается Агун и Симону из повести «Мать едет женить сына». Права острая на язык Агун: «Все в этом доме появлялось с трудом, рождалось, как ребенок рождается, — с болью, с кровью, мучительно, и ничего не далось легко, ничего не неслось, как яичко...» И так можно сказать о всей жизни в Цмакуте — трудной и тем не менее прекрасной...

— Когда и как вы начали писать свою сагу о Цмакуте?

— Слово «цмакут» в переводе на русский означает «в лесах», «глухомань». В шестидесятом — шестьдесят первом году одновременно с повестью «Мы и наши горы» об антарктических пастухах я написал еще одну. Прототипами героев были жители моего родного села, Ахнидзор, но, чтобы односельчане себя не узнали, назвал его Цмакутом. Повесть та не получилась. Я понял, что одними готовыми прототипами не обойтись. Но идея «переселить» односельчан в Цмакут

осталась. Это давало возможность свободно обращаться с материалом, соединять в Цмакуте то, что я знаю об Ахнидзоре, с тем, что слышал и знаю о других местах. Односельчане, конечно, узнают себя. Но самое интересное — узнают не только в тех историях, которые случились в самом деле. Это радует — значит выдуманные ситуации соответствуют логике характеров моих героев.

Земляки считают меня как бы посредником между ними и большим миром. А сам я вижу: мое маленькое село — часть большого мира. В нем те же проблемы, что и всюду. Я убежден, что, «не покидая» Цмакута, можно ответить на самые большие вопросы мира...

Один из таких вопросов — война. Сорок восемь цмакутцев не вернулись с нее. На кладбище, где покоятся деды и прадеды, недостает их могил. «Сорок восемь парней не вернулись с передовой, сорок восемь косарей, погонщиков, пастухов, учителей, пахарей — целый звонкий хор». Это из рассказа «Тогда зимой» про первую послевоенную зиму, про обездоленность вдов и сирот. В романе «Ташкент» мысль писателя идет дальше — она о великих нравственных потерях, которые из-за войны понесло село.

— Война вырвала поколение наших отцов — золотое поколение великих труженников, а нас лишила детства... Разве нормально, когда десятилетний ребенок надевает сапоги отца и считает себя взрослым или когда ненавидит стариков за то, что они живы, а его отец нет?..

Понять, что такое война, могут, наверное, только те, кто пережил ее, пусть даже не на линии фронта, а в глубоком тылу. Помню, как однажды Сароян (это один из моих любимых писателей, встречи с которым были всегда подарком) спросил меня: «А что вы ели во время войны?» И никак не мог понять, что мы ели одну картошку. «Картошку? А с чем картошку?» Тогда я показал, что в обеих руках держу по картофелине: «Ну как будто это сыр, а это хлеб, но на самом деле и то, и другое картошка...» Он засмеялся, а я так и не знаю, понял он или нет... Сейчас над миром опять угроза войны. И это заставляет снова и снова говорить о бедах, которые она принесла, искать пути, как защитить человечество. И тут не последнюю роль может сыграть слово писателя...

— Что вы больше всего цените в литературном произведении? Какими вашими отношения со своими героями?

— Говорят, после постройки Эйфелевой башни со строительной площадки было убрано всего каких-то шестнадцать килограммов мусора и отходов. Вот что значит чудо конструкторской мысли и технического расчета. Некоторые литературные произведения тоже «сконструированы» так, что «ни прибавить, ни убавить» — тема исчерпана полностью, и ясно, что никакого другого художественного решения быть не может. Это восхищает. Но для

меня большей притягательной силой обладают произведения, которые передают бесконечность, нескончаемость мира и жизни. Они открывают простор для воображения, домысливания, сопереживания... Как будто идешь по лесной просеке и выходяшь на широкую красивую поляну, идешь дальше, и тебе открываются другие поляны, большие, меньшие, каждый раз новые. Когда пишу, материал подчиняет меня себе. Я не могу насильно сунуть своего героя туда, куда мне хочется, и бывает, герой как бы уходит от меня в сторону, уступив место другим, обладающим большей моральной силой. Сколько раз пожалел я о том, что пастух Оган умер в рассказе «Под ясным небом старые горы», написанном раньше «Ташкента». В романе его имя упоминается часто. И не случайно — пастухам, двум Тэванам, недостает их старшего товарища. Но как же недостает его мне!..

— В какой степени присутствует в ваших произведениях автобиографическое начало?

— Наверное, в такой же, как у других писателей. О себе могу сказать, что стесняюсь слишком много фантазировать, отдаляться от знакомых мест и людей. Разумеется, только собственная память — слишком узкие рамки для писателя. В век развитых коммуникаций информация к размышлению поступает отовсюду. Сообщение о каком-то факте или явлении, имевшем место даже за тысячи километров, может вызвать целый ряд ассоциаций, заставляя по-новому взглянуть на что-то давным-давно тебе известное... То, что запало в память, по-разному трансформируется в художественное произведение. Давно-давно я услышал о старике, который, похоронив жену, сказал, что через двадцать дней умрет тоже, и действительно умер. Мельком, мимоходом, чтобы оттенить другой, противоположный характер, сказано об этом в повести «Мы и наши горы». Как услышал, так и написал... Но этот старик уже больше двадцати лет живет во мне, и в романе, который я сейчас пишу, эта история получила неожиданное развитие в нравственном и психологическом плане.

Часто одна деталь может вызвать лавину воспоминаний. Раз мой отец, человек скромный и немногословный, попросил меня: «Если не будет тебе трудно, расскажи когда-нибудь в своей книге о моем страхе. Сорок дней работал в чужом селе, заработал пшеницу и на нашей лошади возвратился домой. Как мне трудно было. Боялся, что ограбят, пшеницу и лошадь заберут и я приду к вам ни с чем...»

Это было скорее всего осенью сорок седьмого года. В моей памяти всплыло, как мы, дети, бросались к отцову мешку — может быть, он принес подарки? На мешке пшеницы лежал один зеленый, незрелый орех... Теперь я понимаю, до подарков ли ему было, если он по сей день помнит тот страх. И этот зеленый орех — единственный, что осталось в памяти, — вызвал поток картин.

В романе это будет большой кусок: дети, как муравьи, спуют по склону к источнику, тащат воду... Отец худой, изможденный сидит в деревянной дохани, во двор выкинута его грязная, завшивевшая одежда. Мать льет на его широкие плечи горячую воду, трет их золой. А потом достает запрятанный от детей, сохранившийся с довоенного времени кусочек душистого мыла и мылит отцовские плечи. И это мыло, которое она прятала от маленькой дочки (соблазнившись благоуханием, малышка хотела его съесть), красноречивее слов говорит о любви к отцу...

Писатель вспоминает еще один эпизод из детства — о своем собственном страхе... Ранней весной десятилетним мальчиком он вместе с другими ребятами пошел пасти корову. В поисках первой весенней травы поднимались они по крутым тропинкам. Укрывали коров от холодного ветра старыми телогрейками. Заночевали у костра. «Мальчишки постарше вели разговор о женщинах, перебирая всех по очереди, дом за домом, и я, затравив дыхание, со страхом ждал, что они вот-вот дойдут до нашего дома. Но, назвав имя матери и еще одной соседки, кто-то сказал: «Вот на них грязи нет...» Этот страх, эту бользнь услышать о матери плохое я помню всю жизнь».

И вдруг, прервав воспоминания, он говорит:

— Мечтаю написать десять рассказов... Поиски начала, жесткое обнажение конфликта, внутреннее нравственное сопротивление за внешним событийным... Я люблю за это рассказ...

— Представляете ли вы своих читателей? Какой характер носят письма, которые от них получаете?

— Прежде всего это умные и чуткие читатели, любящие литературу и бесконечно верящие в нее. Когда знакомишься с их письмами, видишь, они связывают с тобой самые сокровенные надежды. И тогда становится совестно и неловко за свое легкомыслие, за свои недостатки. Бывает, что, поддавшись на уговоры журнала, публикуешь незавершенную вещь и получаешь вдруг письмо, из которого видно: читатели больше вкладывают в мой замысел. Они соавторы, и, я думаю, надо иметь настоящий талант, чтобы быть таким читателем...

Что находит наибольший отклик? У армянских читателей, пожалуй, — народные характеры, судьба нации, мысли о ее будущем. Всесоюзный читатель, воспитанный русскими писателями на нравственной проблематике, обращает внимание именно на эту сторону в моих книгах.

Грант Матевосян — страстный любитель кино. Когда-то он даже окончил Высшие сценарные курсы, намереваясь всерьез заняться кинематографом. Кстати, совсем недавно в Армении вышел фильм «Хозяин» по его киноповести. Это фильм о лесничем, который борется за сохранение природы, за сохранение древней цивилизации, созданной многовековым трудом народа.

— Из четырех-пяти фильмов, снятых по моим произведениям, наиболее удачным мне кажется «Мы и наши горы» Генриха Балаяна, хотя я не видел в своей повести материала для кинематографа. Вообще я неудачник в кино. Но в конце концов пришел к выводу — хорошие режиссеры сами пишут сценарии для своих фильмов, а нам надо заниматься литературой. И радоваться чужим удачам, наслаждаться зрительно... Пережить, перечувствовать хороший фильм — этого хватает надолго. Из картин последнего времени запали в душу фильмы Балаяна — «Полеты во сне и наяву», «Попелуды» по Чехову, «Бирюк» по Тургеневу... Что же до фильма «Хозяин» — кругом все так хвалят, что я боюсь, как бы не заставили меня поверить, будто получился хороший фильм...

— Кого вы считаете своими учителями в литературе? Кто из современников вам близок?

— Наверное, первой серьезной книгой, которую я прочитал, был «Тихий Дон» Шолохова. Потом я влюбился в Чаренца и Алексея Бакунца. Они так и остались со мной. Чаренц как образец поэтического мастерства и мысли, Бакунц восхищает знанием народной жизни. С самых первых прочитанных строк всю жизнь со мной Ованес Туманян — так течет и незаметно питает землю река. На этой почве выросли любовь, восторг перед армянским словом, армянским языком. Думаю, именно Туманян подготовил меня к пониманию настоящей литературы. Все, чего он ни коснулся, стало фактом, частью армянской культурной духовности, в том числе и его переводы Пушкина... Он и как личность являет собой высокий нравственный пример. Чего стоит его миссия мира, когда во главе мирной делегации с белым флагом он прошел через всю Северную Армению в азербайджанские села, чтобы предотвратить кровавые столкновения, провоцируемые паризмом!.. Наш Ахнидзор неподдающему от Дасха, родного села Туманяна, и мои земляки помнят его. Было время, я хотел написать книгу о Туманяне. Тот замысел не осуществился. Но в разных моих вещах цмакутцы вспоминают отдельные эпизоды его жизни, строки его стихов. Большой кусок о Туманяне будет и в романе, над которым я работаю сейчас. Хочется, чтобы в моих книгах из этих отдельных штрихов сложился образ замечательного поэта, патриота, гражданина...

Из современников близки Ю. Казаков, В. Шукшин, В. Белов, А. Битов; люблю американцев — Хемингуэя, Фолкнера, Сарояна... Литературные пристрастия с годами меняются. Если раньше в литературе больше привлекало умение автора передать красоту мира, то сейчас влечет мысль, точность ее выражения. Не перестаю перечитывать Толстого — «Хаджи-Мурат», «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича».

Я вспомнила наш разговор о литературе в давнюю ереванскую встречу. Говоря о любимых писателях Пушкине, Гоголе, Чехове, Достоевском, Матевосян особо выделял их «сочувствие к человеку» — только оно помогает писателю до конца понять героя, проникнуть в его психологию. И, сопоставив все, что услышала сейчас, поняла — в сущности это и осталось для него главным.

Беседу вела
М. ИСКОЛЬДСКАЯ.

ЕРЕВАН — МОСКВА.